

ЕВГЕНИЙ
ЯЗОВ

КОРОНОВАННЫЙ
МЕСЯЦЕСТРЕЛЪ

Санкт-Петербург
Издательский Дом
«Орфей»
2020 год

Язов Евгений

Коронованный менестрель : авторский сборник произведений. — СПб.: ИД «Орфей», 2020. — 96 с.

«Когда-то и где-то менестрели говорили с людьми на языке символов, погружая их в глубокий транс проживания состояния мира. Были среди оных и те, что, собравшись на холме и состязаясь в поэзии и музыке, выбирали лучшего, чтобы короновать его берёзовым венком!»

Мои стихи, моя музыка, мои мысли — обращение менестреля — это дорога в одну сторону. Может это сны тех, кто слушает его песни когда-то и где-то... Если хотите, можете попытаться прогуляться по дороге его песен, ступая в след сумасшедшему...

ISBN 978-5-4386-1874-4

- © Евгений Язов, 2020
- © Антон Мокшин, художник, 2020
- © Неоренессанс-Студия «Виноградарь», 2020
- © ООО Издательский Дом «Орфей», 2020
- © ООО Свое издательство, 2020

Благодарение

Воистину, «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» ...И кто бы мог предречь, что однажды, как гром среди белого дня, слетит Крылатая Дева и обратиться к Душе моей! Кто бы знал, что назначено ему, и то, ради чего несколько лет назад готов был пойти в огонь и в воду, ныне может и гроша ломаного не стоить! Живя в уединении, отлепленным от «большого» мира, где правит бал власть и богатство, трудно оценить полезность и вредность того, что даруют Музы! Но...

Благодарение Богу и Священному Ангелу-Хранителю моему, чьими Промыслами вложен в меня Дар необузданного Воображения и Веры, силой которых кормится Душа моя! Благодарение Родителям и Радетелям моим, трудами которых выросли во мне природные таланты, и Крылатые Музы окружили меня, снизойдя с горних вершин до смертной плоти, в коей мается Душа моя! Благодарение Первой среди Муз, пребывающей многие годы рядом со мной, вынужденная нести крест жития со столь беспокойным в своих делах человеком!

Благодарение тем, кто сомкнулся по своей Воле вокруг Герба «Кенарь. Коронованный менестрель», опершийся на девиз «*Ut Poetica Est Illustris Vates*» и ставшим в союзе своём «Братством Кенаря» и через сие Братство создавшие Неоренессанс-Студию «Виноградарь»ТК, коих долженствует упомянуть отдельно: художник А. Мокшин; звукорежиссер С. Соболев; видео и монтаж А. Гурашкин; незабвенный агент, секретарь и музыкант М. Жбанков; чтец, вокалист, консультант и прочая, и прочая Е. Саламатин; ну и ваш покорный слуга — Евгений Язов!

Благодарение всем читателям, слушателям, сопереживающим нашим проектам; критикующим, восхищающимся, завидующим, упоминающим нас; нашим любимым чтецам, исполнителям, консультантам! Благодарение всем тем, кто читает сии строки! Благодарение всем тем, кого строки сии отторгают, умиляют, радуют, злят, вдохновляют! Благодарение Автора, с лёгкой руки читателя, названного «Славянским Орфеем», нашему доброму и терпеливому издателю — Издательскому Дому «Орфей»!

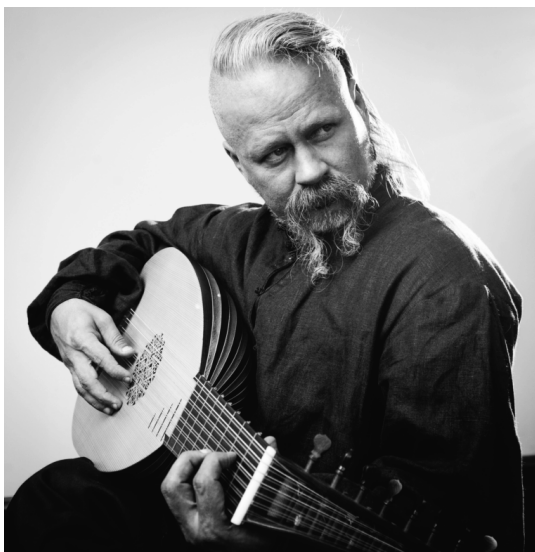
Благодарение и процветания Всем!

Мир те, чтущий!

К сборнику «Коронованный менестрель».

Евгений Язов

Несколько слов от автора

Есть души, перепутавшие миры. Есть души, родившиеся не в своё время — кто-то опоздал, кто-то поспешил. Так или иначе, все они запутались в тенётах физического мира. Люди настолько поверили в реальность тела, что забыли кто они, откуда и куда идут.

Когда я осознал себя в телесном воплощении, то понял, что занял не своё тело, что отстал от своего времени и попал не в свой мир. Когда это произошло? Я стоял на окне, а за окном шёл первый снег, плавно покрывая собой весь мир.

С тех пор прошло ни мало лет, но в моём осознании ничего не изменилось. Всё также я чувствую, что живу не так и не там! Моё время ушло где-то в параллельном пространстве и мне остаётся только спокойно ждать, когда всё вернётся на круги своя.

Я освоил местный язык, заговорил с окружающими меня людьми, но очень быстро понял, что говорю на ином языке. Это ничего не значит, поскольку не говорить бессмысленно — всё равно нужно как-то проводить время, пока миры не сблизятся между собой.

Затяжной прыжок из одного времени в другой, из одного мира в другой, а в промежутке пауза зависания — это там, где мы сейчас находимся. Что ж будем ждать! А чтобы как-то провести время, поговорим за бокалом вина (в этом мире, кстати, это одно из лучших изобретений)!

Когда-то и где-то менестрели говорили с людьми на языке символов, погружая их в глубокий транс проживания состояния мира. Были среди оных и те, что, собравшись на холме и состязаясь в поэзии и музыке, выбирали лучшего, чтобы короновать его берёзовым венком!

Мои стихи, моя музыка, мои мысли — обращение менестреля — это дорога в одну сторону. Может это сны тех, кто слушает его песни когда-то и где-то. Если хотите, можете попытаться прогуляться по дороге его песен, ступая в след сумасшедшему...

...если же на то не будет вашей воли, то, просто отложите сей набор символов и идите своей дорогой!

Евгений Язов

Стихи

Высокий слог

Высокий слог, где зреют росы,
Рассеяв лунные лучи,
Зефира сын и брат Карпоса,
Расцветший у речного плёса,
Вкусив амброзии в ночи.

Плодами сочными, что музы,
Сокрыв себя среди наяд,
Хранят, и этим тяжким грузом —
В изгибе рек прозрачно-русом,
Певцам бессмертие сулят.

Высокий слог взошёл устало,
Защиту гения познав,
На холм в ночи и покрывалом
Накрыт был — сединой тумана
И росами на травах став.

Так предсказал нам ветер юный,
Ведущий под руку весну
По теплым тропам ночью лунной,
Что внемлет арфе златострунной,
Поющей дымкою луну.

Высокий слог — подарок музы,
Что поцелуем обожгла,
И на уста тяжёлым грузом,
Пророчеств истинных союзом
Души и тела, возлегла.

О, муза здесь, что стихла строго,
Сомкнув гармонии строкой —
Эвтерпа, своим сладким слогом
Поэзии, прославив Бога,
Певца великого слезой.

Высокий слог, рождённый миром,
Где башни высятся дворца,
В котором сладкозвучной лирой,
Благоухая словно б миррой,
Престол Небесного Отца.

Дождями в тлен земных страданий
Нисходит серебро небес,
В мир смертных, жемчугами рая,
Живые души увлекая,
В чертог преданий и чудес.

Цитерпретагга
Stefano Landi «Ангелли»

Ах, красота лугов, что зрится из окна,
Птиц легкокрылых песен переливы,
Но мне лишь гордая Клорис нужна,
И без неё мне чужды эти нивы.

Холодный взгляд и горделивый стан,
Но всё ж моя любовь к тебе безмерна,
Боюсь мне не оправиться от ран,
Что ты мне нанесла высокомерно.

Отчаянье я заплету строфой
И птицам легкокрылым передам,
Чтоб взмыла ввысь и горькою тоской
Моей любви, легла к твоим ногам.

Но это что? Ужель ко мне спешишь,
Строфу услышав, что я горестно пою,
В мои объятия, птицей вешнею летишь,
Что песню принесла тебе мою!

«Уста поэзии мелодию рифмуют...»

Уста поэзии мелодию рифмуют,
Нежно объяв её изящный стан,
Меж струн скользят и, следуя перстам,
Движеньем сим печаль мою врачуют.

Стрелой Амура поражённый вновь,
Хмельной в любви, поэт в саду блуждает,
Там, где блаженство розой зацветает
И ароматом сладким пенит кровь.

Он музыкой своей святой и грешной
Целует рифм изящество и статью,
И словно челн стремится вновь пристать
К откосу берега печали безутешной.

Так девы юные терзают нам сердца,
Что музыка с поэзией сомкнувшись
И безответности вуалью обернувшись,
Родят канцоны без начала и конца.

Ах, если бы...

Ах, если б сердце трепетать устало
Подобно птице в клетке золотой,
Испив красы твои и тем познав покой,
То разве бы оно любовь познало?

Ах, если б утолить нам пламя страсти,
Прияв любовь причастию сродни,
В минуту сладкую, когда с тобой одни
Мы разуму не внемлим, только сласти!

Ах, если бы доступной стала радость,
Которой нас Амур короновал,
То верно, обезумив от любви, познал
Я поцелуя вкус, хмельную сладость!

Ах, если бы доступной стала страсть
И утоление её простым и быстрым —
Так просто жажду утолит источник чистый,
То Купидона не была б сладка так власть!

Ах, если бы доступной стала страсть
И утоление её простым и быстрым —
Так просто жажду утолит источник чистый,
То Купидона не была б сладка так власть!

Ах, если б, не страдали от разлуки,
Те, кто стрелой волшебной поражён,
И взглядом нежным, как клинком сражён,
То не сплелись бы в строки эти муки!

Ах, если бы в любви своей открыто
Мы сознавались, то, поверь, тогда
Мы вдохновенья не познали б никогда,
Ибо поэзию рождает то, что скрыто!

Бо́жественный Фиа́с

Холодных глаз невидимая скорбь,
В них крики чаек в синем океане
Прозрачности небес.
Богини нежной длани
Сокрыли мир, где царствует любовь,
И разгорается огонь,
И сердце вновь
Наполнено несметными дарами.

Вновь облачившись ризой облаков,
Небесная Сафо поёт любовь сиреной,
Меж строк земных,
Подхваченная пеной
Поэм-морей невысказанных слов,
Но только в них
Лишь в Меликах их кров,
Что сбережёт любовь от бури серой.

Сомкни покой очей своих, богиня,
Душой вспорхни, как чайка! В небесах
Поэм изящных проявись,
В строфах,
Что девам юным уподоблены игриво,
Фиас — им сладость,
Страсть, что спит на нивах
И возбуждение на сахарных устах.

Те строки, словно сладь вина и солнца,
Поэт, есть виночерпий, Пан и плут,
А строки, что менады,
Там живут,
Где лик луны сокрыт на дне колодца,
Во тьме его прохлады
Сердце бьётся,
В котором древние предания живут.

Ах, сколько жажды в поцелуе нежном,
Хмельным напитком истекает сон,
И вновь поёт Сафо,
В садах канцон,
Спустя века, так долго, безутешно,
Ищет любовь в грехе,
Живя безгрешно,
В душах поэтах порождая стон!

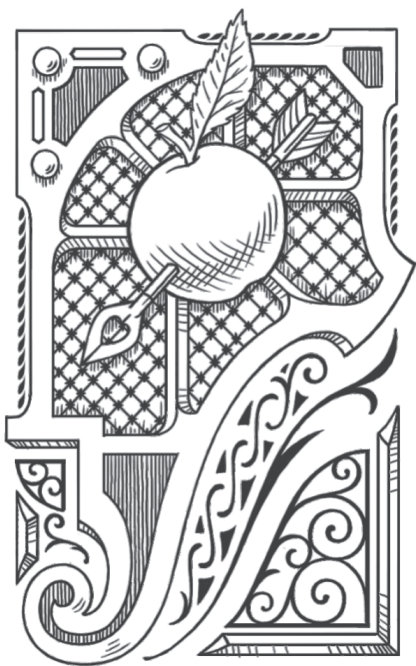
Боклерские встречи

Вот серебро подков из мостовой
Поэму рыцарства неспешно выбивает,
Красавицы вздыхают, и толпой
Дети бегут, и песней над рекой
Сады цветущие, героев привечают.

Благоуханный край среди цветов,
Столица винных грёз, что в дымке тает
Изысканным изгибом меж холмов —
Рождает нежность музыки и слов
И их в баллады светлые вплетает.

Невинность дев, изящества приют,
Что девственной лозой холмы обвила
Река любви, над ней в ночи поют,
Те, чьи сердца без умолку зовут
Любовь красавиц лёгких и игривых.

И мы, мой друг, в долину над рекой
Придём однажды в песнях менестрелей,
В очах красавиц здесь найдём покой,
В вине постигнем истину с тобой,
Познаем суть турниров и дуэлей.

Карутига

Я сирым псом в терновнике и травах
Бродил один и голодом томимый,
Вдыхая ароматы, как отраву
Искал в ночи следы своей любимой.

Одетый в лунный свет, что точно саван
Окутал душу темнотою печали,
Сады вздыхая тишиною пряной
Моей тоски, твои следы скрывали.

Объятый сном, что сну безумца равен,
Покинутый благоволеньем отрок,
Стрелой Амура безнадежно ранен,
Что принесла мне не любовь, а морок.

Запутавшись в тенетах троп хрустальных,
Что поросли жасмином, и плутая,
Узрел я в лунной неге двух печальных
Оленей, что к себе меня призывали.

За ними шёл я в ночь, один неспешно
Вдоль у ручья, тропею безысходной,
И вот увидел образ белоснежный,
Он мрамором сверкал в ночи холодным.

И так узрел в садах дворцовых диво,
Что сотворило гения уменье,
В холодном камне лик моей любимой
И нет поэту в этом утешенья.

Изящный стан лозе подобен хрупкой,
Томленьем полон взгляд и на устах
Лежит роса! Амур жестокой шуткой,
Родится страстью в каменных сердцах.

Евгн Дану

Изгиб поэм лозой хмельной, питаем влагой неземной
из чаш менад, взалкавшей слог, Орфея юного строкой,
что спит кифарой меж холмов,
обрётший здесь покой.

Сосуд любви на ложе сна, что кубком сладкого вина
растопит дух!.. Так в очаге, рождает искра свет огня,
и хмель поэм, и страсть менад
воспламенят меня.

От зрелых лоз бегут в ночи, амброзией, вина ручьи,
целуя гибкий стан!.. Здесь девы, уст коралл смочив,
среди цветов по шелку трав,
вновь отданы любви.

Седым Бореем побелён, природой буйной наделен,
что страстью рождена! Поёт ветрами, вновь пленён,
невинным взором девы той,
чья красота, как стон.

Рекою льётся страсти кровь, вскипая в чашах вновь!
И вновь Силен хмельной нахмурит бровь
и заворчит проказам тем,
что породит любовь.

Хмель — вот поэзии приют! Нас под луною нимфы ждут
в корнях лозы! Туда спешим... где гимны звучные поют,
где страсть разлита меж холмов —
менады в ней живут!

Веди к нему нас, буйный Пан, тропую, что познал ты сам,
В сады веселья и любви! О, утоли ты жажду нам!
О, Пан, великий дух лесов!
О, Пан! О, йоу, Пан!

**Наши свободные и счастливые души
или контрафактура на
«Rose Sprits Libres»**

Наши души полны счастья,
В сладкой неге видят сны,
Как в объятиях наслажденья
Праздные творят труды.

Среди роц, садов и парков
Вьют узор ночных канцон,
И в мелодиях скрывают
Своей страсти тихий стон.

Розы вечно будут юны —
Целомудрия полны,
За оградой разрастаясь,
Лишь Всевышнему верны.

Наши души словно дети,
Помнят ласки матерей,
И таят то, что не спето
Среди солнечных алей.

Видит Бог, что мы не знаем,
Знает Бог, что видим мы,
Чашу мира наполняем
Хмелем песен и любви.

Будем пить из этой чаши
Сладкий сок баллад и вновь,
Лишь для Бога песни наши,
Лишь для дев наша любовь.

Наши души полны счастья,
В сладкой неге видят сны,
Как в объятьях наслажденья
Праздные творят труды.

Есть музыка и бин

Кансон шелка играют на ветру
Мелодии рождённой твоим взглядом,
Что бережёт от мира красоту
Нежным цветком,
Расцветшим, здесь, в саду,
Но та краса благоухает ядом.

О, Донна, непреступна, холодна,
Ты словно золото, что обрамляет яшму,
Сияешь ярко, как в ночи луна,
Но безразлична.
Лишь туман и тишина,
Услышат песню, над рекою, нашу.

Цветок расцветший у стены сырой —
Высокомерие, суть королевской власти,
Наполненной печалью и тоской
Поэта юного,
Больного лишь тобой,
О, Донна, ты вина его напасти.

Лозы причастник, кубка верный друг,
Что пенится под солнцем винным хмелем
Поэм и музыки — самой природы слуг,
Любви и страсти,
Но обретших вдруг,
Немилость благородной девы.

Поэт рождён от слёз и трав ночных,
Что шепчут над холмами вирши судеб,
Сияя янтарём меж волн речных,
Скользят слова,
И слышит путник в них,
Пророчества — что было, и что будет.

Твой кубок пенится опять строфой,
Что льётся в мир канцоной безутешной,
Безмерной страсти бурною рекой,
Спеша сквозь время,
К той, что не с тобой,
Отторгла музыку саму небрежно.

А мы, мой брат, отрекшись от любви,
Парим легко пылью весенних трав,
Мы счастливы и хмель в нашей крови
Не тает вовсе
От зари и до зари,
Веселием сердца наши обдав.

Что нам заботы, если есть вино,
И музыка звучит неспешной нотой.
Соединим с тобой мы их в одно:
Вино и музыка —
Родят, что знать, грешно,
Ибо веселье песни — вот, работа!

Пусть Донна мне к душе, но вот беда,
Помимо рыцарства мне есть одна отрада —
Её величие во взгляде никогда,
Мне не заменит
Кубка, а тогда
И музыка здесь не наполнит сада!

Я буду плакать и в душе своей
Шелками строф лаская мир незримый,
Но ничего не сделаю, поверь,
Чтоб быть твоим,
Чтоб ты была моей,
Лишь лютня и вино мои кумиры!

Как отказаться?..

Как отказаться вкусить от изящной лозы
Нектара, рожденного солнечным светом и ветром,
Что с моря приносит свежесть вчерашней грозы,
Росою пролившись в кубки с юным рассветом?

Как отказаться хмельной глоток целовать,
Исполнившись страстью, как муза уста коронует
Своим поцелуем, а после спешит танцевать,
Устами певцов, хмелем баллады рифмуя?

Как отказаться испить вдохновения дар
Из кубка, что полон поэзии нежной и страстной,
Вязью затейливой свитой звучаньем кифар
И голосами, звучащими звонко и ясно?

Как отказаться воспеть мелодично мечту,
Что зрела всё лето, впитав солнца свет и туманы,
И ей причастившись, мы гоним печаль и тоску,
Нектара вкусив, что лечит грехи все и раны?

Как отказаться нам вновь в кругу танцевать,
Петь сладострастность вакханок со старым Силеном —
Красавиц, что свитой весёлой спешат воспевать
Диониса дар танцем своим откровенным?

Нет! Отказаться нельзя, невозможно никак,
От песни, что чашу наполнит хрустальной канцоной
В зрелой лозе не услышит поэм лишь протак,
В поэмах лозы не вкусит лишь ума лишённый!

«Что ценит золото, того пасёт монета...»

Кто ценит золото, того пасёт монета,
Меняет души на тщету богатств
Рассеянных по миру сизым пеплом
На этом пепле тени сотен графств.

Монета же — доступная девица,
Пасёт овец на пепельных лугах,
Хозяйка ей, Фортуна, веселиться
Готова вечно на погостах и гробах.

Блуждая по миру, лишь музыкой ведомы,
Мы пьём вино и веселимся всласть,
И нас не мучают Фортуны приговоры,
Мы не способны к роскоши припасть.

В своём лобзании, заигрывать с фортуной
И ревновать её к иным глупцам,
Что словно овцы — стадо девы юной,
Не в честь вовек поэтам и певцам.

Мысли бледного рыцаря

Я захлебнулся в море слёз,
Но на крылах своей надежды,
Поднялся ввысь, в мир снов и грёз,
Узрев во тьме, что было прежде.

Искал дороги среди звёзд,
Там, где у кромки горизонта
Навис над миром хрупкий мост,
Скользнув по небу нитью звонкой.

Я шёл тропею сонной той
За музой юной и прекрасной,
И вскормлен лунною росой,
Туман стелился безучастно.

Не разобрав в тумане след,
Я соскользнул к истокам света,
И отражением в воде,
Узрел, что мира вовсе нету.

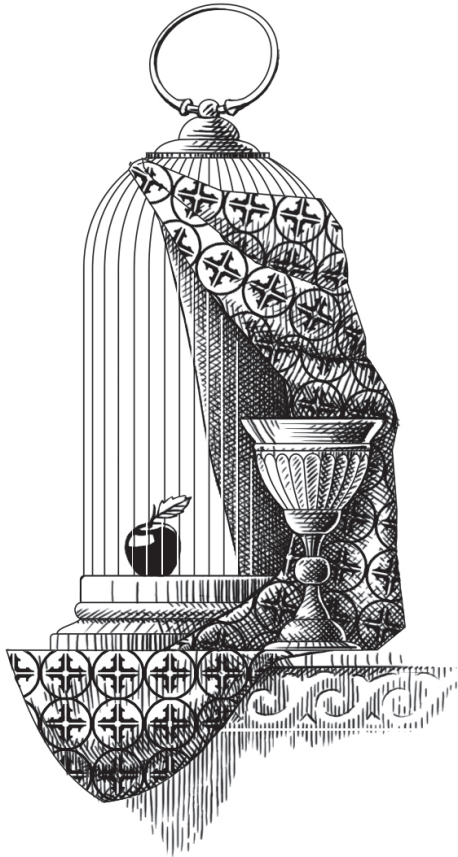
Сурвенга школяра

Замученный Боэцием школяр,
Познавший розг предания, что знают
Весь тривиум — его познав удар.
Юнец к нему признанья не питает.
Квадривиум — источник вечных мук —
Горох, что впился в тело школяра.
Наставники! Сей сонм бесовских слуг,
Лишь злые церберы бумаги и пера!
Источник мудрости Вергилий, от него
Сидеть болезненно и на душе печаль,
Что не позволят беззаботным сном
Познать покой и не проникнуть в рай!
Зачем наука, если в ней приют
Чертей и бесов, что любовь к познанию,
Нам прививают розгами, зовут
После сих розг горячих, к покаянью?
Быть может будет толк из школяров,
Когда убогим клириком уныло,
Они предстанут при дворах и кров
Найдут среди забот мирских, постылых.
Но раз в столетье, может быть и два,
Меж школяров, что порки не боятся,
Является певец, познав слова
Орфея юного — за лютню склонный взяться!

Им всё не в грех, мечту вплетая в слог,
От розг доспехи музы им ковали,
Им Аристотель в тягость, ибо Бог
Их отделил от горя и печали!
Молитвой им — канцона и легка
Дорога, что зовёт весной из дома.
Не ведают монахи, чья рука
Ведёт сих отроков по тропам незнакомым.
Грамматика лишь клириков удел,
Риторика, для тех, что честь попрали,
Тот, кто в науке скучной преуспел,
Постиг юдоль унынья и печали.
А тот школяр, что орфики постиг
И в Меликах познал любви отраду,
В природу Бога музыкой проник,
Примкнул поэзией к божественному стаду!
Он праздности цветком родился тут,
Где за серьёзным ликом послушанья,
Скрывается надменный алчный плут
И ложь живёт в одеждах покаянья.
Здесь злобное скуластое лицо
Укрылось ризой пользы и смиренья,
А сладость уст святош и подлецов,
Всегда сокрыто лицемерья тенью.

За честолюбием, хромая и скуля
Бредёт здесь лихоимство, а за оным,
Словно при власти пап и короля
Гордыня хитрая, согбенная в поклоне!
Имеющий глаза, узрев сей срам —
Школяр Орфея и менад водитель,
Весной весёлой сей покинул храм —
Пороков и уныния обитель!
Вплетая в музыку свет хмеля и любви,
Лобзая песней, нежных муз ланиты,
Не зная хитрости, что пухнет на крови
Как демон злобный, под монаха бритый,
Школяр бежит науки подлецов,
Идет по миру, словно б в свите Пана,
Живёт легко, как будто в царстве снов
В одежде строк и рифм без изъяна.
Зачем грамматика ему коль память есть,
Зачем риторика — коль страсть и нежность девы
Ему заменят хитрость, фальшь и лесть,
А диалектику сожгут любви напевы!
Записывать поэмы не в чести
Меж тех людей, кто полон вдохновенья,
Судьба им — с трубадурами идти,
Амура слугами — причиною творенья!

Им не дано познать печаль и тлен,
Им не постигнуть Ямвлиха, но всё же,
Бегут они дворцов и сырых стен
И спят в лугах на травах, как на ложе.
Отринули удел святых отцов,
Что в кельях сырых, словно бы в смиренье,
Скрывают лица злобных гордецов,
Под ризами растленья и гниенья!
Орфей, мой друг, мой брат, моя любовь,
Веди отсюда школяра-гуляку
К Венере сладостной! Мы запоем и вновь
Родимся из земли подобно злаку!

Пью вино, ленив к делам мира

Стал бы рыцарем доблестным я,
Встав под сень беспокойных хоругвей,
Как они, на ветру трепеща,
Покидая родительский дом.
Повернул бы на север коня,
К азиатским степям и подруга
Лёгких южных ветров,
Понесла б меня на вороном.

Обо мне бы пропели поэты,
Слог за слогом слагая стихи,
Те, что ныне пока что не спеты,
И о том, чего нет на земле.
О герое отважном и щедром,
Что отринув от сердца грехи,
Своей славой до самого неба
Вдруг вознёсся в дыму и огне.

Но с рожденья ленив я до свары,
Без печали живу на краю,
Не прельщают геройские лавры,
Я как лилия в темном пруду.
Мне вино заменило победы,
Лютня доблесть сокрыла мою,
Оплели нежной вязью сонеты
Мою душу, что спит здесь, в саду.

Я пришёл по невидимым тропам,
Что сокрыты меж трав и цветов,
Зацветая душистым иссопом,
Безразличным к жизни мирской.
Словно в свите веселого Вакха,
Мне нет дела до ваших даров,
Все дела станут пеплом и прахом,
И забудется всякий герой.

Мне не нужен почёт и награда,
А труды ваши — это лишь тлен,
И не важно, чему ныне рады,
В чём ваша сегодня печаль.
Ну, так пойте, танцуйте, играйте,
Выйдя в мир из-за каменных стен!
Нету смысла, так вы наливайте
Причастьем обильным Грааль.

Саг Веселья

Я в крепость поцелуя взял уста
И ревностью воздвигнув башен своды,
Сорвал цветок с прохладного куста,
На лепестках которого роса
Хранила нежность девственной природы.

Сокрыв его я стенами канцон,
Оградой страсти обнял сладость розы,
Боясь спугнуть этот чудесный сон,
Склонился над цветком и точно стон,
Ручей поэм вкусил росу, как слёзы.

Под крепостными стенами в тени
Своих безумств и буйных исступлений,
Я вырыл ров, над ним возжёт огни
Светил небесных и горят они
И днём, и ночью, разгоняя тени.

Во рве, что полон сладкого вина,
Хмельным напевом солнечные блики,
И в тот же миг здесь в небесах — луна,
И не наступит здесь вовеки тьма —
Мать пустоты и призраков безликих.

К стене высокой у ажурных врат
Приставил стражу, чтоб хранили в неге
Твердынь сию — Амура дивный сад,
И от злословья, бьющего, как град,
Оберегали юные побег.

Один мой страж — застенчивость, она
Рождает боязливость и в героях,
Что знают кровь и словно грань клинка —
Бесстрашные, но смелость их темна,
В любви им не найти покоя.

Другой мой страж жестокий — злой язык,
Терзающий любовь, как ворон в поле
Терзает жертву, к этому привык
В безумии своём, как львиный рык
Летит по миру, счастье делать горем.

Мой третий страж — холодных дум череда,
Разумный, твёрдый, не познавший веры,
Во всём найдёт изъян он, и тогда
Логичен, сух, циничен он всегда,
Даже узревши красоту Венеры.

Четвертый страж мой — скромность, и беда
Тому, кто посягнёт войти однажды
В чертог Амура, вмиг и навсегда
Горькой предстанет перед ним судьба,
Стыдливостью заглушит страсти жажду.

Меж башнями и стенами воздвиг
Розарий свой, сокрытый тихим садом,
И в том саду любовь к тебе постиг,
Я трепетал, в тот самый скорбный миг,
Как ревность поднесла мне кубок с ядом.

Я пригубил тот яд, словно вино,
Обманываясь сладостью и страстью,
И отравило сердце мне оно,
И стало в тот же миг темно,
И над собою не имел я власти.

Без сна и отдыха твой поцелуй хранил
За крепостными стенами, страдая
От ревности своей совсем забыл,
Что кубок с ядом, как вино, испил,
А ты хранишь мне верность! Ты святая!

Я скрыл тебя за стенами любви,
В саду веселья ров вином наполнив,
Амур, не зная жалости, в крови
Дарует вновь безумье во хмели,
И пенит юность, страстью жизнь исполнив.

Услышу сердце в праздности хмельной,
Разрушу стены, стражу отпуская,
В сладчайшем поцелуе лишь с тобой
Я обрету, и радость, и покой,
И в том покое стану среди рая.

Словно единорог

Душа вкушала мерой скудной,
По доле нищеты своей,
Отстав на шаг от многолюдной
Процессии к закату дней.
Любовь, что пряным ароматом
Пьянила, насыщала дух,
Он же над тленным казематом
Летел, всему мирскому глух.

Оставив смерть у смерти в лапах,
В небесной синеве паря,
Взирал на прах в янтарных раках
Летел к истокам бытия,
К концу времён, когда истоком
Для мира нового явит
Свой лик мессия! Он пророком
Судьбу былого предрешит.

Причастником юдоли тщетной,
Из чаши благодатной сна,
Вкушал я юность. Неприметной
Мне чудилась моя весна.
Сокрыл в душе своей причуды —
Созвучий нежных перебор,
В порывах юности, где блуды —
Невинности беспечный вздор.

По тропам страсти в Сад Веселья
Стремилась юная строфа,
В котором пили сласть, радели
В кельях Амура до утра,
А щедрость верною десницею
Дарила музыки разлив —
В ней серебро ручьёв лоснится,
Сливается в один мотив.

И звонких птиц весёлый гомон,
Слетает с веток на луга
Поэм весёлых, нежным слогом,
Звучит хрустальная река.
Здесь от щедрот природы вечной
Рождается изящно вязь —
Вечность поэм лозой беспечной,
Розария ночного князь.

В слезах поста красот ланиты,
Менадой юной у ручья,
Диковинным узором свиты
Запреты. Их познал и я.
Но от постов, запретов строгих —
Жестокой стражи подле них,
Родятся в мир любви дороги,
В Эдемский сад врата открыв.

Дверь отворилась еле слышно
В покои меры золотой,
Песня зашла в одеждах пышных,
Скрывая лик ночной фатой,
Познав однажды суть триады —
Щедроты радости, тогда
Войдёшь сокрывшись сенью сада,
Чтоб там остаться навсегда.

В эстампах зарослей зелёных
Деревьев, молодой листвой,
В прохладных травах томно-сонных,
Здесь будешь вечно молодой.
Ручей своей хрустальной песней
Юность и меру воспоёт,
От радости вдруг станет тесно
И птицей поцелуй вспорхнёт.

Девницей юной слог изящный,
Игриво дарит реверанс,
И в танце солнечном кружащий
Её в ночи закружит станс.
Так птицы певчие меж прочих
Совьют изысканность зари,
Тогда здесь ты откроешь очи,
Меж роз хмельных, в саду любви.

Пройдёшь тропинкой неприметной,
К ручью, что отражает сад,
И в отраженье дивном этом
Узришь себя среди менад.
Увидишь в отраженье светлом,
Преданий древних череду,
Тех, что воспеты здесь поэтом
Обретшимся в ночном саду.

Изгибы троп благоуханных
Речей учтивых тонкий строй,
Те, что сердце лечуют раны,
Теперь, поэт, твой дом родной.
Вот так в саду святых поэтов,
Единорогом среди трав,
Найдешь однажды ты всё это,
Тлен мира рифмою поправ.

«Вот мне птица пропела...»

Вот мне птица пропела в саду за оградой ажурной,
Где в любви безнадежной у самой земли возлежит,
В лунной неге туманом, сияя по кромке лазурной
Тропа, что ручьём, у корней столетних бежит.

Меж дворцовых цветов под надзором садовников строгих
Заалела, зарделась стыдливостью и чистотой,
Словно слёзы поэмы в начале бессмертной дороги,
Хрупкая роза, что вскормлена сладкой росой.

И сорвать её некому — терн ей защитник всеильный,
В окружении фрейлин тех — лилий, хранящих её.
Мать-лоза в полусне поливает росую обильно
И ажурной оградой ей дарит любовь и тепло.

Соловей прилетит — запоёт волшебную песню
Над печалью красавицы в том дворцовом саду,
Я балладой своей, проберусь незримою тенью
И канцоной своей тот цветок чудесный сорву!

Встреча с Амуром

Однажды я уснул и снился сон мне
Как я проснулся в тишине ночной,
И шёл в тумане призрачной тропой,
Что слёзы лунные — росу с небес бросает.
И долго ль мне идти? Кто это знает?
Ведь пробудиться ото сна никак не мог?
И сон ли это?.. Знает только Бог
Куда меня вела тропа в тумане.

Я шёл один и лишь луна лампадой
В ночи сияла, осветив мой путь,
Но вот устал я! «Надо б отдохнуть» —
Подумал, и присел на корень древний.
Но вдруг из придорожных терний
Явился юноша, — он шёл и напевал,
Из лютни хрупкой нежно извлекал
Такую музыку, что я не слышал прежде.

Канцона лёгкая лилась, в ней красота
Графини юной, что в садах дворцовых
Гуляет праздно меж стволов дубовых
И вечной юности полна графиня та,
Подобно розе с хрупкого куста
Она нежна, светла и сласти полна,
Та музыка меня, как будто волны,
В тот дивный сад с собою унесла.

Меж трав благоуханных в нежном свете
Я видел тропы у волшебного дворца,
Где сад чудесный без начала и конца,
И где, действительно, увидел я графиню.
Узрев лишь раз, мне не забыть отныне
Ту чистоту и свет её лица,
И золото волос, что всякого венца
Роскошнее и девственной святыни!

Изящной гибкости полны движенья все
И хмель поэту в кровь, глаза графини,
А лик её — лик греческой богини, —
Меж смертных не найти красы такой.
Приметила меня она: «Постой! —
(Сердце моё запело соловьём)
— Как оказался ты в саду моём?»
Но я молчал, сражённый красотой...

«Молчишь?». И я заговорил: «С тобой,
Небесный ангел по небу скитаться
Готов и жажду здесь навек оставить,
Я поражён любовью, как тоской!
Коль здесь утратил я навек покой,
То в жизни есть одно лишь утешенье,
Скользить по этим тропам твоей тенью
И омывать уста твои росой.

И точно также, как в росе ночной
Томятся лепестки благоуханных роз,
Так моих чувств предел, в потоках слёз
Омоет серенадами ступени
Дворца, в котором я незримо, твоей тенью
Буду скользить, боясь поднять глаза,
Тревожась высохнуть от страсти, как роса
От солнца испаряется с растений».

Смутилась тут графиня и улыбкой,
Что вёсен всех светлей, пронзила грудь...
Амур, за что мне этот трудный путь
Приготовил ты в любви безмерной.
Ведь участь эта будет очень скверной
Когда графиню любит менестрель,
Лишь песня скорбная навек ему постель,
Ибо не вправе он мечтать так откровенно.

Графиня улыбнулась, подошла,
Вновь взглядом опьянив, смутив поэта,
И протянула розу. Роза эта,
Как и графиня, вечно молода.
Пришёл в себя я, только лишь тогда,
Когда закончил юноша канцону эту,
Что лютня подарила всему свету
Графини образ нежный, как мечта.

«О, юноша, — к поэту обратился
Я, не способный двинуться, вздохнуть, —
Кто ты, скажи, и как далёк твой путь
В этой стране безвинной, но пустынной?».
«Нет, друг мой, путь мой сладок! Винный
Туман здесь сладкий стелется всегда,
И нет забот в стране сей никогда,
Ибо Амур здесь правит век свой длинный!».

«А что за дева юною графинею
Песней твоей воспета на века,
Что так меня собою увлекла
И без неё мне жизни нету ныне?».
«Венера имя ей! Поэты, как в пустыне,
Когда не видели сей образ никогда.
А ныне, друг мой, уж твоя судьба,
Склониться к музе юной и игривой.

Тебе вовеки не расстаться с милой
В воображении поэзии своей,
Отныне, друг мой, пой! Любовь испей
Из чаши нежности — наполнись этой силой,
Что юностью свежа и так красива,
И каждый раз в сад этот устремляясь,
Покинув мир и песней наполняясь,
Узришь её, ту, что исполнит лира».

Так юноша сказал и растворился
В тумане, словно б не было его,
Но свет остался, сладкий, как вино
Я в лунном свете дале путь держал...
Но вот проснулся — сон мой убежал,
Я долго размышлял: «В виденье этом
Пел отрок, что ушёл вслед за рассветом,
Кто этот юноша и свет, что я стяжал?»

Поэты знают той страны предел,
Где повстречал я юношу. Понурым
Стал я, ведь не узнал Амура,
Что лично мне Венеры лик воспел.
И что же мне теперь, когда удел,
Познать сады и рощу у дворца,
В поэмах бесконечных, где с крыльца,
Венера тайно дарит снова розу мне?

Искать приют среди поэм и трав,
Обречены извечно менестрели,
Ведь те из них, что, как и я, узрели,
Венеры светлый лик и добрый нрав,
Тогда мирское всё навек поправ,
Причастники вина и сладких грёз,
Пролившие дождями море слёз,
Поют Амура, песней его став.

Ода Кенарю

Певец пернатый в золотой оправе
Хмельного солнца, теплотой поэм
В лозе изящной соками играя
И в песню пенную их бойко превращая,
Чтоб в чаши душ разлить её затем.

Насытить пряным сладким ароматом
Земную вязь нехоженных дорог,
В сердцах смущённых, тесным казематом
Объявшим душу, возродиться садом,
В котором высится божественный чертог.

Сосуд телес наполнить светом вечным,
В котором нет теней, засим краса
Небесной глади спит дорогой млечной,
И девой нежной юной и беспечной,
Танцует денница, блистая, как роса.

Так хороводом душ живых, бессмертье,
Целует вновь глоток хмельных канцон,
Певец пернатый в золотистом свете,
Меж муз улыбчивых, пропел виденья эти,
Что души чуткие услышали, как сон.

Рождение поэзии

Кто скажет нам, как музыка звучала
Во времена, когда земля была
Подобна деве юной, что начало
Своё в любви божественной брала?

Как по лозе поэм хмельною влагой
Струилась в чаши юных серенад
Нектаром сладкозвучным, сея благо
Устами нежными, танцующих менад?

Как юной нимфы нежным поцелуем,
Глоток хмельной, что душу горячит,
Испит до дна был, в ночь войдя, ликуя
Весёлой свитой строф к луне летит?

Есть тайна тайн, Создателя творенье,
Нетленным ладом в тишине небес,
Что хрусталём звучит, в нём утешенье
Природе смертной — чуду из чудес.

Той музыке воздвиг оплот волшебный,
Отец небесный, дочери родной,
Меж родников, камней и трав целебных,
Звёздный чертог, покрытый синевой.

В корнях дубовых скрыл её в прохладу,
Где тайно, чарами могучими воздвиг
От любопытных глаз в ночи преграду
В холмах туманами, на сотни тысяч лиг.

Он непорочностью озёр и рек кипучих
Пронзил холмы и горы, под луной
Вил тропы мира, но от всех живущих,
Дочь свою скрыл недвижной тишиной.

В зелёных кронах хрупкими ветвями
Соткал пророчеств яркий гобелен,
В пределах поднебесных голосами
Весёлых птиц, русалок и сирен.

Создав гармонии, скрывая тихой сенью
Деревьев изумрудных сонный лад,
Забвение вдохнул в свои творенья,
Дабы не знали путь в Эдемский сад.

Но кенарем, чей облик неприметен
Среди могучих листьев и ветвей,
Он песней память передал поэтам
Что поселилась в тишине алей.

Дал очи мудрости поэтам осторожно,
Те, что способны красоту узреть,
Дал слух такой, которым слышать можно,
Ту истину, что дал пернатым петь.

И через слушанье своё они познали,
Как люди появились на земле,
Как по траве прохладной зашагали,
На свет звезды, сияющий во мгле.

Творец повелевал спешить на землю
Всем Ангелам из серебра небес,
И поклониться новому творенью,
Что он создал среди земных чудес.

Все Ангелы исполнить поспешили
Волю Отца, на твердь ступив земли,
И благодатью в мир людей, излили
Гармонии божественной любви.

Все поклонились новому творенью,
Уча его услышать горный глас,
Что светом по свету идёт, не зная тени,
Что стал душой живою среди нас.

А были Ангелы, что возлюбили Бога,
Живущего в творении своём —
Хранителями стали, чтоб порокам
Жизнь не порушить пагубным огнём.

Один лишь Ангел, что иных всех краше
Восстал, отринув промысел Отца,
Не поклонился, ибо видел нашу
Жизнь, не достойную награды и венца.

Разверзлась твердь, зияя пастью лютой,
Огнём и тьмой красоты осквернив,
Как хищный зверь, вобрал, набросив путы
Порочности, глен ко греху склонив.

Был Ангел первый среди всех творений,
Рождённый светом истинным Отца,
Сиял цветком волшебным среди терний
И рос в розарии небесного дворца.

Гордыня в алчности и ревность своё дело
Свершили, гневом породив позор,
Так сердце Ангела замёрзло, онемело,
Вступило с жизнью в непрерывный спор.

И жизнь отторгла тех, кто был в безумье,
Разверзла недра в вечное ничто,
Низвергла смерть, туда, где новолунье
Сокрыло свет, не ведая его.

В тех недрах на престоле льда и камня
Воздвигся тот, кто жизнь саму отверг,
Презрен, — он затаился в недрах тайно,
Ему противен смертный человек.

А смертный человек в лесах скитаясь,
Под чутким оком своего Отца,
В раю земном, с небесным миром знаясь,
Приял дары из рук святых Творца.

Отец Небесный в сласти утешенья,
Простому человеку даровал,
Свободу Воли, твердь Воображенья
И право, дабы формы создавал.

Воздвигнув оное, Творец покрыл забвеньем,
Как саваном туманов, память тех,
Кто создан был бессмертным и нетленным,
В бездонном свете освещаая всех.

Познал себя он смертным и конечным,
Хоть и узревшим свет своей душой,
Но в жизни, как в потоке быстротечном,
С женился с бледнолицею тоской.

И вот однажды смертность, лик скрывая
Свой, в силе жизни, смерти вопреки,
Пришла одна к самим воротам рая,
В края, где плачут нежно родники.

Вела с собой дыханье душ прозревших,
Способных слышать голоса небес,
Вкусить Амброзии живительной сумевших,
Сокрытой тайной меж иных чудес.

О том мы скажем, что явилось к тленным,
Что прахом рождены, но между тем,
Способные божественность Вселенной
Узреть, как Ангела, в объятии поэм.

Как Ангел сей, что дух хранит незримо,
Однажды человека вдохновил,
Прийти к Источнику под сенью исполина,
Что из того источника вкусил.

Услышал он, как кенарь вьёт изящно,
У родника, затеяв бурный спор,
Песней своей, из смерти уводящей
К бессмертию среди долин и гор.

Родник своей прохладною струёю
Воспел луны ночную красоту,
В тумане и траве искал покоя,
Хранил в себе небесную звезду.

Пернатый солнце прославляя и песня
Его струилась золотом, как мёд,
На целый мир, но мир казался тесным
Гармонии, что в мир рассвет зовёт.

Как только смертный здесь услышал споры,
Что птица весело вела с лесным ручьём,
Из виноградных лоз придумал скоро
Кифару лёгкую, но звучную притом.

Заплакал в музыке, что с пением роднится
Ручья хрустального, поёт о том лоза,
И в тот же миг вспорхнул весёлой птицей,
Призвав в ночи рассвет согреть леса.

Пел смертный так беспечно, вдохновенно,
Забыв о тлене у ворот весны,
Кифары сок пролился и безмерно
Разлился светом на ладонях тьмы.

Тот сок бродить стал в сердце юной рифмой,
На дне поэмы, спетой в тишине,
И на поляну златокудрой нимфой
Явилась сама нежность по росе.

Так тихо подошла и села рядом,
Прислушавшись к певцу, что над ручьём,
Вил строк ажур, сокрытый дивным садом,
И с кенарем парящего вдвоём.

Испила нежность лоз хмельных усладу
Что бродят между влагой и теплом,
Луной и солнцем, людям став наградой
Кровью поэм любовных и вином.

И человек узрев, как нежность рядом
С ним села здесь, к любви земной припав —
Сама весна, рождённая тем садом,
Где он на свет явился среди трав.

И пел поэт, забыв про всё на свете,
Утратив волю, глядя в глубину
Глаз, в коих видел в мире этом
Все тайны мира, даже в недрах тьму.

Творец был рад, узрев сию картину,
Ведь его Промысел — любовь и лишь она,
Невинна и в невинности незрима,
Но лишь она, в Его глазах, важна.

И так в любви, когда был мир невинен,
Под сенью леса мягко родилась,
Хмель песен-родников дорогой длинной
Дождями вешними в мир юный пролилась.

Забыли все, что Промысел Господний,
В любви людской свой облик узнавать,
Но даже в самом пекле, в преисподней,
Кенарь напомнит, что должны мы знать.

Ли́ра

Утратил лиры нежный перелив
Я в шуме моря, и в призыве чаек
Растаял сей божественный мотив,
Борей застыл и голову склонив,
Бреду один я, изгнанный из рая.

Кто слышит ныне музыку твою,
В устах Зефира, и хмельной лозою
Кто Мелику сомкнёт с тобой свою,
Король или певец, что на краю
Сей жизни так и не обрёл покоя?

Ты в памяти хранишь Орфея длань,
И сладкозвучие Сафо — Алкея радость,
В морях лазурь вобрала ты и ткань
Быстрых ветров и солнечную грань
Ты провела, создав любовь и сладость!

Ты, дева юная, чисты твои красы —
Свет солнца днём и лунного прилива
В ночи, что утром каплями росы
Заплачет тихо, смочит стан лозы,
О, дева юная, божественная лира!

Прочитай «Роман о Розе»

За семь ночей прочёл «Роман о Розе»...
Любовь, сокрытая в шелках ночных канцон,
Поведала дела Амура!.. В своих грёзах
В саду Веселья, был я ей сражён.

Источник жизни — солнечный розарий
Хранил тебя от зла и тёмных чар,
И Гения бессмертного викарий
Среди цветов сокрыл великий дар.

Я пил хмельной и терпкий запах ночи
Из рук Венеры чашу ту прияв,
И застилала страстью мои очи
Луна, упавшая росой среди трав.

За семь ночей познал Любовь и Ревность,
Двор Праздности и Благородства быт,
Волшебной Розы девственную нежность
Невинность чью хранит презренный Стыд.

В источнике Нарцисса, где игриво
Сонетов перебор поёт мечту,
В ограде золотой растут тоскливо,
Цветы, являя миру красоту.

Венеры сын вновь сделал выстрел славный,
Стрелой горячей сердце мне пробив,
И страстью жаркой кровоточит рана,
Во мне безумие любовное родив.

За семь ночей открылись мне чертоги,
Небесной нежности и адского огня,
Учтивости незримые пороги
В покоях Верности, где ты ждала меня.

Гильом де Лоррис слёз своих потоком,
Взрастил розарий, где во снах своих,
Блуждал и я, и мучимый злым роком,
Искал тебя меж мёртвых и живых.

И вот узрел, в ограде, между терний,
Нежный бутон, скрываемый от глаз,
И, обманув охрану, тихой тенью,
Пришёл к тебе! Уж, не разлучат нас!

Ах, рыцарская доблесть! Что с неё мне?
Искусств свободных суть отринул я!
Лишь соловьём над розовым бутонем,
Мне в радость петь! Мне лишь Амур судья!

Новая сирвента менестреля

Коль менестрелить мне пора,
Из чаши юности напившись,
Пришла, то началась игра,
Зрелой лозой, к траве склонившись.

И причастившись солью дня,
Согревшись солнцем, тихо млея,
Две музы под руки меня,
Влекут в сады, к лугам Орфея.

Во мне зачах смущенья куст
И страхов лепестки увяли,
Смеюсь я в голос, гулко-пуст,
В лица монархов без печали.

Что мне они, коль сам Орфей
Открыл врата в свои юдоли:
«Ты зрел? Танцуй! Талантлив? Пей —
Вкушай лозу, не жди покоя!».

Я Хмель, и снова во хмелю,
Поправ уклад богемной черни,
Лишь чаше и вину пою,
Цветком в объятых колких терний.

Аристократов век уныл,
Трусливо скрыв свой стыд гербами,
Но нет плаща что бы сокрыл,
То, что их делает рабами.

Пасёт монета их, а им
Мерещится одна дорога,
Как будто бы путём святым
Идут. Но как-то всё от Бога!

Их рыцарская спесь смешит,
Одежда их — шутов убранство.
Из-под доспехов в мир смердит
Блудливость, жадность, ложь и хамство.

Забыты уж те времена,
Когда свет рыцарства по миру
Скитался — им лишь стремяна
И доблесть в сердце были милы.

Когда поношенным плащом
Хранили честь, в чести — отвагу,
И на щите, и со щитом,
Их души реяли, как стяги.

Когда девицы честь храня,
Они в любви точно монахи,
Любили истово! Любя,
Не убоялись даже б плахи.

А ныне кто? И смех, и грех,
В цветастых вычурных одеждах,
Лишь от утех и до утех
Живут, забыв, что было прежде.

Коль ныне доблесть не в чести,
А пастухами черти стали,
Коль в рыцарской досель крови,
Найдёшь ты мужество едва ли.

Коль коронован лестью франт —
Наследник рыцарского рода,
От рода, лишь один штандарт —
Гордыня аж до небосвода.

Фальшь орденов и королей,
Что пляшут, вторя дудке Папы
(Намного было бы честней
Им пить вино и петь баллады).

Так вот, смеясь над всем и вся,
В холщовой робе душу пряча,
Пойду по миру смердом я,
Сменив хоромы на удачу.

Претит мне гордость королей,
Смешна мне ложная отвага,
Плющом разросся у корней
Мой дух, и замер сизым прахом.

Сев на осла, направлюсь в сон,
Где чаша полная нектаром
Старой лозы хмельных тенсон,
Что каждому даются даром.

Я как Силен здесь буду пьян
От красоты вакханок млея,
Отрину титул, род и сан,
Найду себя меж слуг Орфея.

A decorative rectangular border with intricate, repeating scrollwork and floral patterns, framing the central text.

Ноама

Росная чаша

I

Целует тишина лампады свет,
Что как луна, над темнотою кургана,
Устало изогнувшего хребет,
Снисходит мирно молоком тумана.

Вихром небрежным синева реки,
Что рассекла холмов зелёных тверди,
Как вдовица от горя и тоски,
Льёт слёзы горько над юдолью смерти.

Дождём омыты тропы среди куш,
Незримой вязью чешуи дракона,
Сечёт их в бахрому весёлый плющ,
В холмах теряясь, на зелёных склонах.

С той стороны, где сумрак и покой,
Где мир людей, лишь память и отрада,
Где реки и холмы одной тоской,
Наполнены, как чаши, сладким ядом.

А за туманом, за дождём, на север,
Где пики гор венчают горизонт,
Среди лощин цветёт душистый клевер,
Вдали от треволнений и забот.

Долина, чашей выгнувшись на юг,
Хранит в себе, оживший свет небесный,
Где звёзды, замыкая горний круг,
Текут в ту чашу по ложбинам тесным.

Хмельным нектаром наполняя мир,
Даруя жизнь, в оправе смертной плоти,
Причастием оплавленный потир,
Бессмертием наполнен в тихом гроте.

И мало на земле героев тех,
Кто стал причастником сего нектара,
Их кости по ущельям точно снег,
Рассеяны и тлеют жарким паром.

Здесь короли, что потрясали свет,
Их пепел, словно иней, спит веками,
Герои здесь, которых больше нет,
Их прах развеял ветер над холмами.

Монахи здесь, бегущие тцеты,
Покрывшие грехи свои цвeтами
Смирения, в лохмотьях нищeты,
И покаяния бессвязными речами.

Все жаждали достичь долины той,
Припасть к источнику, и сладью насладиться,
Кто прямо шёл, кто хитрою тропой,
Но всем им доля, живота лишиться.

Могучие мужи, их доблесть тут,
Рассялась, в туманах и угрозой,
За годом год здесь на костях цвeтут,
Иным из нас, кроваво-красным розы.

II

И всё же, вьётся нить судьбы лозой,
Чудно впиваясь корнем в тверди жизни,
Питаемой чудесною росой,
Исхода тех, кто стал для жизни лишним.

Кто жизнь свою проспал, проел, пропил,
Гулякою весёлым и похабством
Греха, и похотью безмерной окропил,
Души святой невидимое царство.

Кто-то всю жизнь благопристойным слыл,
Среди святых прославлен поневоле,
Но и мудрец в житейском море плыл,
Лишь для того, чтоб сгинуть в этом море.

Ох, смертные, вам вин не перечеть,
И все вы в горечи лобзания Иуды,
Утратили достоинство и честь,
Отдавшись сладострастию и блуду.

О, роза белая, однажды ты расти,
Обречена среди ветвей терновых,
Цветением своим в веках нести,
Прощения несказанного слово.

Родившись среди нищих, и в толпе,
Теряясь сырým, ветошью покрытый,
Ты словно роза та, и на кресте,
Распят опять, навек слезой омытый.

Невинен облик твой, но смертен лик,
Родился бедным, царства не приемля,
Однажды ты, челом своим поник,
Познав, что всё под этим небом тленно.

Тогда пошёл ты по миру в ночи,
Питаясь росами и нежными плодами,
Безумцу ровня, что во тьме кричит:
«Мир полон света райского садами!».

Хмельной в невинности, от корня винных лоз,
Что коронует нежным поцелуем,
Те очи, что незрячими от слёз,
Зрят в пену алую во тьме житейской бури.

И ты таков был — светом оперён,
Летел, как птица, за пределы плоти,
Бежать толпы безумной обречён,
К источнику божественной природы.

Спешил однажды, ветер оседлав,
К незримым тропам, за туманной негой,
Все правила житейские поправ,
В луне найдя приют, дорожкой пегой.

Ты шёл по миру, скрытый бахромой,
Ночных дождей, и в молоке туманов,
Пришёл однажды, хитрою тропой,
К долине-чаше, что лечует раны.

III

Минуя горы и ущелия, что тьмой,
Укрыли кости рыцарей великих,
Взирая в мир из пустоты ночной,
Ревущей песнями зверей безликих.

Ты вышел вон, по грудь в речной воде,
Что алой кровью пенисто играет,
В которой злобою на самом дне,
Лукавый дух веками обитает.

Река та, льётся от корней веков,
В ней боль и страх — уныния отрада,
Что переполнена смертями, и таков
Удел побед — смирению преграда.

Река стекает по ложбинам вниз,
Туда, где солнца свет и сладкий клевер,
Чуть огибая золотой карниз,
Нисходит в дол, оставив миру плевел.

Здесь свет луны, и хрупких звёзд узор,
Он видит! Серебром тумана,
Укрыт волшебных трав цветной ковёр,
Благоухает и дурманит пьяно.

Игривый свет, как звёзд небесных путь,
Спешит ручьём, чуть пенясь в перекатах,
В прозрачной сладости, здесь можно отдохнуть,
Оставив за спиной грозы раскаты.

И он сошёл, петляя вдоль ручья,
Бесстрашно, по невинности, и чудо
Узрел он у истоков бытия,
Не зная, что вослед за этим будет.

У самой кромки озера во тьме,
Словно мираж над чистотой озёрной,
Замок явился вдруг, и в тишине,
Метнулся стяг над башнею дозорной.

Он в замок тот вошёл и слышал лишь,
Как озеро, питаемое светом,
Ручьёв, стремящихся от гор, в долину, в тишь,
Целует нежно берега рассветом.

И немощный король — седой старик,
Его приветствовал, со свитою своею,
По его воле карлик вдруг возник,
Меч внёс, что не подвержен тленью.

С меча того, кровь капает вовек,
Король пожаловал ему великий титул,
Клинок уснул, как старый человек,
В ножнах его, навечно гордый сгинул.

И в тот же миг, как меч навек уснул,
Внесли в покои в торжестве великом,
Сто двадцать дев святых, её одну —
Чашу подобную, бесформенному блику.

IV

О, старый рыцарь, расскажи о том,
Как жили те, кто чашу сберегали,
Как тихой ночью в свете золотом,
Озёрной девы образ обретали?!

Как защищали кровью и мечом,
Её приюты, среди роцц священных,
Как исполнялись вечностью, и в том
Причастниками были тайн нетленных?!

Ты знал того, о ком идёт рассказ,
Невинного, безумного поэта,
Что был последним рыцарем, и нас,
Поныне вдохновляет своим светом.

Он был в долине, где живёт король,
Хранящий чашу, что священным светом,
Низводит в мир бессмертия покой,
И вечно пребывает в свете этом.

Рассказ неспешен, старый рыцарь вновь,
Припоминает древние сюжеты,
В которых было всё: любовь, и кровь,
Походы, войны, страсти и победы.

Но вот он вспомнил, невидь и покой,
Как рыцари, что свет несли нездешний,
Хранили таинства невинности святой,
Причастники твердыни сей безгрешной.

В балладах древних, у озер волшебных,
Свивались судьбы рыцарей и вновь,
Смыкались в песнях менестрелей смертных,
Пьяня сознание и пеня хмелем кровь.

И наш герой, в устах седого старца,
Предстал среди покоев короля,
Хранящего ключи святого царства,
Где небесами пенится земля.

Наш юноша, пространный и изящный,
Взирая в чашу, небеса узрел,
Отражены они дремучей чащей,
Среди которой озера предел.

Ручьи с ущелий, склонов, с горных кряжей,
Текут в то озеро и затихают там,
Где затаились замки древней стражи,
Где и герою нашему пристан.

Девиды чашу, как священный трепет,
Озёрных вод, туманов и луны,
Внесли в покои, и покои светом,
В один момент навек озарены.

И юноша восшёл! Ступени к трону,
Под меч священный привели его,
Склонился он, и в том своём поклоне,
Спросил: «Чья чаша, пристана сего?..».

У

Над гладью озера, доселе тишиной
Пронизанные небо и земля,
В ладонях гор, в оправе, синевой,
Власти бессмертной муки короля.

И грянул гром, и молнии сверкнули,
Сорвались звёздами, прорезав синеву,
И птицы сонные на ветках встрепенулись,
И яркой вспышкой свет рассеял тьму.

Так на вопрос невинности чудесной,
Вдруг отозвался первозданный мир,
Взлетел до звёзд фигурой бестелесной,
И рухнул вниз в таинственный потир.

Растаял в нём креплённый винным духом,
И чаши свет вмиг алым засиял,
Захлопотала бойкой повитухой,
Над чашей сей священной, заря.

И свита пышная застыла в удивленье,
Король очнулся будто ото сна,
Сто двадцать дев, растаяли виденьем,
Узрели все, как в зал вошла Она!

Невинное дитя, сияя взором,
В шелках улыбки нежен её лик,
И шаг так лёгок, словно без опоры,
И образ сей, собою сам возник.

Есть чудеса над миром этим тленным,
И даже свет, как будто темнота,
Рассеется туманами забвенья,
Когда предстанет миру красота.

Всё лучшее, вдруг станет горше пепла,
Всё светлое, вдруг станет темнотой,
Когда увидит мир в потоках света,
Сей образ, что наполнен красотой.

Та дева своей нежною десницей,
Как облака объемят солнца свет,
Подняла чашу, и волшебною зарницей,
Блеснул с востока, как цветок, рассвет.

«Отныне тот, кто чист и благороден,
Исполнен веры, — дева та рекла —
Кто с юных лет могуществом природным
Возвышен и не ведает греха...

В ком вьётся свет ажурной вешней сенью,
Засим его невинная душа,
Источнику подобна вдохновенья —
Приют баллад и мудрости вежа.

Тому быть рыцарем — Озёрной Девы стражем,
Её лугов, лесов, долин и рек,
Хранить ему вовек свет древней чаши,
Твоя та чаша, добрый человек!...»

VI

И так бежит потоком быстрым время,
Лишь памятью баллад звучит во тьме,
То, что известно было, ныне тенью,
Рассеялось в небесной синеве.

Но голоса преданий в мир живущих,
Украдкой говорят словами тех,
Кто был до нас, но затерялся в куцах
Волшебных гор у сладкозвучных рек.

И слышен сквозь века печальный голос,
Озёрной Девы к рыцарям своим,
Чей хрупок стан и нежен светлый образ,
В глазах сияют звёздные огни:

«Кто благороден, рыцарскою славой
Воспет поэтами, и над мирской тщетой,
Хранит доньне тихие заставы,
Сомкнув судьбу свою с моей мечтой?...»

И словно роза белая шипом пробита,
Кроваво-алым истекла и вот,
Как будто бы к кресту навек прибита,
Мечта о мире за пределами невзгод.

Здесь короли в чертогах вечных дремлют,
Храня во снах своих былые дни,
Где над землёй святой гуляют тени,
И обрамляют солнца лик они.

Где свет не знает тьмы и в грани кубков,
Сияют звёзды, а вино пьянит,
Текут рекой века, года, минуты,
А древний мир в себе покой хранит.

Где бродят по лесам единороги,
И пьют росу с листвы тенистых рощ,
Где сами прилипают к струнам слоги,
Как птицы улетаю после прочь.

Во снах волшебных мир извечно юным,
Предстать горазд, и ныне, сквозь века,
Иду тропинками ночными светом лунным,
К ступеням замка лорда-рыбака.

Миную реку, что кроваво-красным,
Наполнена, и в пене её вод,
Спят рыцари, чья смерть была напрасной...
И вот уж вижу, мне знакомый грот.

Вхожу в покои, стены лазурином,
Отделаны, и алым светом зорь,
Встречает дева в зале неофитов,
А рядом с ней, торжественно, король.

В её деснице бликом ярким чаша,
В другой руке, змеёй сияет сталь,
Подняв клинок, она речёт, как раньше:
«Иди ко мне, мой друг, мой Парсифаль!».

Содержание к сборнику «Коронованный менестрель»

Несколько слов от Автора..... 5

Стихи

Высокий слог.....	8
Интерпретация Stefano Landi «Augellin».....	10
«Уста поэзии мелодию рифмуют...».....	11
Ах, если бы.....	12
Божественный Фиас.....	14
Боклерские встречи.....	16
Кариатида.....	18
Гимн Пану.....	20
Наши свободные и счастливые души или контрафактура на «Nose Spirits Libres».....	22
Есть музыка и вино.....	24
Как отказаться?.....	27
«Кто ценит золото, того пасёт монета...».....	29
Мысли бледного рыцаря.....	30
Сирвента школяра.....	32
Пью вино, ленив к делам мира.....	37
Сад веселья.....	39
Словно Единорог.....	43

«Вот мне птица пропела...».....	47
Встреча с Амуром.....	48
Ода Кенарю.....	54
Рождение поэзии.....	56
Лира.....	65
Прочитал «Роман о Розе».....	67
Новая сирвента менестреля.....	69

Поэма

Росная чаша.....	75
------------------	----

Литературно-художественное издание

Евгений Язов

Коронованный тенестрель

Авторский сборник стихотворений

Главный редактор: Артем Володарский

Компьютерная верстка: Артем Володарский, Артемий Волинский

Корректор: Оксана Волинская

Художник: Антон Мокшин

Знак информационной продукции +16

(Федеральный закон №436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Официальный сайт Евгения Язова:

<https://yazov.info>

ООО Издательский Дом «Орфей»

190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д.20

https://www.instagram.com/orpheus_publishing/

E-mail: orpheus.publishing@yandex.ru

Подписано в печать 22.04.2020
Формат 70x100/32
Объем 3,9 усл.п.л. Печать офсетная
Гарнитура Academy.
Тираж 500 экз. Заказ № 20040066
Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ ЛЕСНИК»
197183, г. Санкт-Петербург, ул. Сабировская, 37, лит. Д, комната 206
Телефон (812) 649-73-09
www.l-print.spb.ru

ISBN 978-5-4386-1874-4

9 785438 618744